

К семидесятилетию со дня рождения АЙБЕКА

ГОРДОСТЬ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯРКАЯ ЗВЕЗДА

В ИСТОРИИ литературы каждого народа есть имена, которые можно сравнить с факелом, освещающим ее путь. Таковыми факелами для узбекской литературы стали Алишер Навоий и Машраб, Мухими и Хамза. К этой плеяде принадлежит и Айбек.

Творчество Айбека неразрывно связано с теми великими преобразованиями в жизни узбекского народа, которые принесла революция, свидетелем и непосредственным участником которых был исторический опыт народа во всех своих произведениях, будь то исторический роман или произведение на современную тему. Это определило этический размах и аналитическую глубину его романов. И не случайно поэтому Айбек стал подлинно народным писателем задолго до того, как получил это почетное звание.

Большой мастер слова, Айбек основал и богатейший опыт литературы, узбекской и мировой. Поражает широта интересов и глубина знания им классиков. Он много раз говорил о своей любви к Навою и Физули, Пушкину и Блоку, Горькому и Маяковскому.

ПЕВЕЦ НОВОГО МИРА

ПИСАТЕЛЬ, который ходил и создавал свои лучшие произведения — романы «Священная кровь» и «Навои» на исторические темы, всегда воспринимался советским читателем как современный и останется таковым для будущих поколений читателей.

ПРЕКЛОНЯЮСЬ!

ТВОРЧЕСТВО Айбека оставило большой и глубокий след в сердцах читателей, всех жителей Каракалпакии. Его романы «Священная кровь», «Навои», его поэмы и стихотворения вот уже десятилетия читают и перечитывают поклонники большого таланта выдающегося узбекского поэта.

Такой интерес не случаен. В своих сочинениях Айбек столь же близок каракалпакскому народу, как и братскому узбекскому народу. Наши души и чаяния отражали он на страницах произведений, которым суждено жить вечно.

ДОБРЫЕ СПУТНИКИ

НАШ институт носит имя замечательного узбекского поэта и прозаика Айбека. У нас стало традицией: каждый учебный год начинается литературным вечером, посвященным творчеству Мусы Ташмухамедовича. Старшекурсники словно бы передают младшим товарищам эстафету любви и уважения к мастеру слова, восхищения его ярким талантом.

ПРИЗНАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Произведения Айбека на наших полках не залеживаются. Хоту сказать, что его книги нашли признание у самого разного читателя. Проматывая недавно формуляры читателей, я обратила внимание, что среди тех, кто любит Айбека, есть рабочие и учителя, врачи и студенты, школьники и пенсионеры.

ПРОЩАНИЕ

Прощай, прощай, Чинган родной, Где я с весельем горюлал, Тебе я сердце подарил. Дни шли, как сказочной стражей!

Писать начал рано, «... в школе — и, еще будучи школьником, стал печататься», — вспоминал он впоследствии. Первые стихотворения Айбека «Звуки лиры» были опубликованы в 1922 году в альманахе «Дар», а первый его сборник — «Чувство» вышел в 1926 году. Затем последовали сборники стихотворений «Флейта и сердца» и «Факел».

В ранних стихотворениях Айбека чувствуется влияние поэзии Блока. Спустя годы Айбек говорил о том, что поразило его в Блоке и оказало несомненное влияние на его собственный поэтический опыт.

Основную задачу своей поэзии Айбек выразил еще в стихотворении «Мой топор».

Образы представителей трех поколений семьи Мирзакаримбая олицетворяют не только возвышение национальной буржуазии, но и ее крах, социальные и моральные кризисы целого класса. Тут Айбек продолжает традицию мировой литературы — таких произведений, как «Будничные» Томаса Манна, «Дело Артамона» М. Горького.

Юлиан постепенно начинает осознавать свое положение в обществе, положение себе подобных бедняков. Сама жизнь становится школой возмужания, пробуждения и становления классовой самосознания героя. Юлиан задает людей из народа — батраков Шанасыма, Ораза, сапожника Шакирата, рабочего Карата, Трагическая судьба его любимой Гульнар тоже сыграла роль в прозрении Юлиан.

Юлиан приходит к сознанию необходимости борьбы не с одним Мирзакаримбаем, а с обществом мирзакаримбаев. Роман кончается гибелью героя в восстании 1916 года. Но это не напрасная жертва. Ибо кровь Юлиан, пролитая в борьбе за свободу, «эта кровь — самая чистая, самая благородная. Это — священная кровь». Кровь Юлиан не пропадет даром.

После своего первого романа Айбек обращается к гораздо более далекой эпохе в истории узбекского народа — к XV веку. Он создает роман о великом узбекском поэте и мыслителе, родоначальнике узбекской литературы Алишере Навоии. Обращение к образу великого гуманиста не было случайным для Айбека. «...Навои был спутником почти всей моей сознательной жизни, начиная со школьных лет, когда я впервые услышал и запомнил его строки и рассказы о нем самом. И то и другое равно поразило меня. И с тех пор я постоянно слышал и читал Навои и о Навоии».

Алишер Навои действительно был спутником всей жизни писателя. Его творчеству Айбек посвятил десятки научных статей, ставших выдающимся вкладом в развитие узбекского литературоведения. Его поэтичному и человеческому подвигу он посвятил стихи и поэму.

Т. САЛИХОВ. Кандидат филологических наук.

ПРОМЕТЕЙ

В этом буйном сердце чувство и жельная, Переполюши чашу, пенниси и жгли, Гордость и воли нашей извьяние...

НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ

В НАШЕМ колхозе не только союственно, многогранно знание народной жизни, быта. Его замечательные произведения, образы героев заставляют думать, помогают жить целеустремленно, бороться за новые успехи в коммунистическом строительстве.

ДОБРЫЕ СПУТНИКИ

Мы благодарим лексикону узбекской литературы и за то, что он приближает нас к сокровищам русской литературы. В его переводе мы читаем сегодня на узбекском языке пушкинского «Евгения Онегина», дерюмовский «Маскарад», сочинения М. Горького, В. Г. Валицкиного.

БИОГРАФИЯ ЗАМЫСЛА

ТОЛЬКО начиная вспоминать, осознаешь, что прожил долгую жизнь. Сколько лет уже на свете! Долгие дружеские отношения связывали меня с Фадеевым и Луговским.

Луговский много лет собирал коллекцию оружия. В России, — шутил он, — есть поверье: дарить нож — к худу. Так я и живое опровержение: дарил мне нож и дарят, а я, как видите, жив-здоров.

И та вера в себя и в жизнь, найденных людей в отпуску и еще часть должна идти в отпуск. А. Ф.

В течение совместной поездки и напряженного месяца в секретариате я видел его очень часто в повседневной работе. Он был человеком на редкость деятельным, обладал большим и пронзительным умом, широким взглядом на вещи, и при всей силе и власти характера умел прислушиваться к людям, сохраняя удивительную простоту в обращении и искреннюю внимательность к окружающим. Вспоминаю один эпизод, мелкий, но характерный. В августе 1952 года мы с женой были проездом в Москве, зашли ненадолго в Союз и встретили там Фадеева. Он стал настойчиво приглашать нас к себе на дачу, но мы уезжали в тот же вечер и за-

держаться не могли. Когда мы вернулись в гостиный, нам передал пакет: в нем оказалось новое издание «Молодой гвардии» с миллой авторской надписью.

В сорок седьмом году у себя на даче он читал несколько товарищам новые куски «Последнего из Удого». Из присутствовавших там помню Тихонову. Фадеевский роман, так, к великому сожалению, и недописанный, произвел на меня и тогда, в энергичном авторском чтении, и при знакомстве с книгой впечатление необычайной грандиозности замысла, может быть, единственного в своем роде. Это была бы художественная история человечества в уникальном разрезе, какой могла дать лишь фадеевская родинка — Сибирь, самая богатая этнографическая кладовая мира. И в масштабах этого замысла мне чувствуется человек, которого я знал и которому восхищался, — человек большой и незабываемый.

Кстати сказать, замысел фадеевского романа, конечно, очень далеко от меня по материалу, весьма близкое своей исторической концепцией, тем пониманием взаимоотношений между историей и литературой, которое он в себе несет. Мне нередко приходилось задумываться над этой проблемой — ведь и в своих поэтических вещах я в прозе я так или иначе обращался к истории...

Литература — всегда история. История — всегда литература. По-видимому, в этих утверждениях нет ничего нового. Общеизвестно, что самым сухой и точный летописец в какой-то мере сочиняет события и людей; он неизбежно пропускает их через себя, прежде чем занести на бумагу, пергамент или глянцевые таблички. И, с другой стороны, о какой бы животрепещущей современности ни говорил роман или каким бы «частным» переживаниям личности ни был посвящен — в той степени, в какой он обобщает человеческий опыт, он неизбежно свидетельствует, Таковым он является прежде всего для современников — не говоря уже о потомках. В конце концов летописи начинаются с дней...

